

Ребенок в изменяющейся культуре

■ Кажется, что еще вчера мы держали в руках первый номер “новорожденного” журнала “Пачатковая школа”, бережно передавали друг другу, осторожно листали, волновались, думая о том, как воспримет это новое издание тогда еще мало знакомый нам читатель — школьный учитель.

И вот оказывается, что это “вчера” было 15 лет назад...

Много это или мало?

По обычному человеческому измерению совсем мало. Ребенок, родившийся в начале 90-х, сегодня только начинает делать свои первые осознанные жизненные шаги. Народная молва, а вслед за ней и “высокая” наука окрестила эти шаги словами “переход”, “переходный возраст”, указав тем самым не только на “промежуточное состояние” 15-летнего человека, но и на его перспективу — грядущую взрослость.

А. А. ПОЛОННИКОВ,
кандидат психологических наук, доцент, заместитель
директора Центра проблем развития образования БГУ.

Человеческое измерение вряд ли применимо к такому социальному и культурному феномену, как научно-методический журнал, поскольку заведомо предполагает и всю сопутствующую такой историзации витальную логику: детство, отрочество, юность...

Не применимо к нашему журналу, по всей видимости, и социологическое летоисчисление, слагающее возраст людских общностей из поколенных единиц. В нем, социологическом хронометраже, “время жизни” поколения составляет 15 — 16 лет. Согласно “закону поколений”, открытому французским обществоведом Ж. Дромелем, господство поколенных групп темпорально ограничено. По окончании 15-летнего срока власть переходит к наследникам — новому поколению, готовому теперь внести свой собственный уникальный вклад в социальную эволюцию. Разрыв между поколениями — необходимое условие социальной и культурной эстафеты.

Но применимо ли в принципе историческое мышление к такому феномену, как журнал? Работает ли хронологический критерий в тех случаях, когда понимаешь, что каждый его номер — это “реинкарнация”, акт нового рождения и самоутверждения? И никакие заслуги редакции в “прошлой жизни” не зачтутся, если сегодняшний материал педагогического журна-

ла не вызовет у читателя живого эмоционального отклика, если за хитросплетением слов он не обнаружит точных ориентиров для своей не всегда творческой, но всегда “ненормированной” работы, если не столько умом, сколько сердцем учитель не почувствует компетентность автора, его глубокое знание дела, умение отразить реальные повседневные потребности практики. Да и как иначе? Ведь это же его, читателя, журнал. (Почувствуйте разницу слов: не *для него* журнал, а *его!*)

Скорее всего, научно-методическое издание, к классу которых и относится “Пачатковая школа”, явление не историческое, а актуальное. Его суть — современность, оперативность и мобильность, способность к варьированию своего состояния в соответствии с характером общественных изменений, наработками педагогической практики. Выступать средоточием сложных социальных, культурных и образовательных процессов, местом их “встречи” и “переработки” — его судьба.

До сих пор журналу все удавалось. Об этом свидетельствует как несомненный факт его социального признания, так и все более уважаемый вид.

Однако в современном мире все сложнее и сложнее выполнять требование поддержания

соответствия. Для понимания его актуальной специфики нам потребуется одно небольшое пояснение. Оно связано с тем, что педагогическая работа по обыкновению трактуется людьми как явление социальное. Мы привычно говорим о подготовке детей к будущей жизни: о профессии, семье, служению обществу, государству. Даже в тех случаях, когда говорится о развитии личности ребенка, как правило, имеется в виду его приспособленность к чему-то прагматически оправданному. Все это по-человечески понятно, но вот достаточно ли? Ведь вступающий в жизнь индивид обнаруживает себя не только в социальных отношениях, но и в культурных. Ориентировка в ценностях и смыслах человеческого существования, культурных кодах, отношениях с собой, другими и миром в целом не менее важны для ребенка, чем профессиональные умения, деловые качества и социальные инстинкты.

В стабильных культурных обстоятельствах передача будущим поколениям ориентировочных систем практически происходит педагогически беспрепятственно. По крайней мере, если проблемы и возникают, то они в основном технического свойства и принципов работы самих систем ориентации не затрагивают. Ввиду новых культурных обстоятельств постепенно изменяются учебные содержания, обновляются образовательные методики и технологии. Тем самым обеспечивается относительно устойчивая связь ребенка и актуальной культуры. Эта корректировка осуществляется по преимуществу автоматически, посредством подстройки и адаптации практик стихийной социализации и образования.

Проблемы, связанные с устройством самих ориентировочных систем, а значит и человеческая чувствительность к принципам их функционирования, обостряются в эпохи перемен, в условиях культурной динамики, когда процессы образования и связанные с образованием научные практики начинают хронически запаздывать, обнаруживать свою недостаточность, а порой и полную неадекватность. Феноменально это проявляется, например, в том, что учителя перестают интересоваться мнением ученых.

Интересное в этом плане наблюдение сделала в свое время ученица Л. С. Выготского психолог Лидия Ильинична Божович: "Ребенка, о котором мы рассказываем нашим студентам, давно нет". И это понятно. Пока психологи изучали детство, пока писали научные отчеты и монографии, пока на их основе создавались учебные пособия и методические руководства, мир настолько изменился, что предъявленные студентам в вузе знания "о ребенке" приобрели сугубо исторический смысл. А ведь эти слова сказаны Л. И. Божович полвека назад, в относительно стабильной жизненной ситуации.

С того времени, а особенно на рубеже тысячелетий, многое в нашей жизни и культуре изменилось. И если учесть еще и то обстоятельство, что любые гуманитарные изыскания не свободны от социальных и культурных контекстов и, более того, сами являются их структурными элементами, то нельзя исключать такого положения дел, когда образовательные исследования будут поставлять на рынок социализации продукцию устаревшую, поддерживающую те связи между индивидом и социокультурным миром, которые давно нуждаются в реорганизации.

Приведем один красноречивый пример из профессионально близкой автору сферы педагогической психологии.

До недавнего времени непреложным фактом считалось, что ключевым институтом социализации ребенка, причем не только в дошкольном возрасте, является семья. Что это означает на деле? Это означает, что базовые структуры детской идентичности — ценностно-смысловая сфера, образы и самоописания "Я", схемы социального взаимодействия и восприятия — складываются на основе *образцов семейного поведения*. Об этом написаны горы психолого-педагогической литературы, такого рода "фактами" переполнены вузовские учебники и, конечно же, головы наших студентов. Оказавшись в реальном педагогическом деле, под влиянием сложившихся в образовании и жизни убеждений бывшие студенты привычно апеллируют к реальностям семейного воспитания, рассчитывая на его ресурс, и терпят зачастую неминуемое поражение.

В чем же дело? В их непрофессионализме? Недостаточном личном усердии или отсутствии у семьи желания к сотрудничеству? Вовсе нет.

Изменились культурные обстоятельства. Как отмечают инициаторы многих современных гуманитарных исследований, под влиянием динамичных культурных процессов изменился и их характер, и сами механизмы, и процессы социализации. Ценности, смысло-жизненные ориентиры, схемы поведения и социального восприятия современного ребенка сегодня в значительной степени формируются не посредством семейных взаимодействий, не под влиянием литературы и дружеского окружения, а посредством тиража анонимных культурных образцов *средствами массовой информации и коммуникации*: радио, телевидением, сетью Интернет. Семейное влияние, конечно, не стирается окончательно. Однако теперь оно оказывается глубоко преобразованным информационно-коммуникативными процессами, случайным сцеплением разнокачественных образцов понимания, суждения и действия, и психолого-педагогические практики, порождаемые недостаточностью процессов и механизмов стихийной социализации, не могут с этим не считаться. Когда трехлетняя девочка, загораживая дверь отцу, кричит: "Не пушу!", истоки ее поведения лучше искать в образцах взаимодействия, диктуемых мыльной оперой, недавно показанной по телевизору, чем в подражании материнским привычкам.

Антропологи, анализирующие современные культурные процессы, все чаще говорят об "иконическом" повороте, происходящем в настоящее время, и о новой аудиовизуальной культуре (сознании) как продукте этих жизненных изменений. Его суть в переопределении формы и содержания социальных значений, которые теперь начинают доминировать в культурном пространстве в визуализированном качестве, вытесняя на обочину другие способы организации и распределения информации. Мы же привычно продолжаем говорить с ребенком на языке, семантика которого укоренилась в логических утверждениях науки и литературы прошлого, не замечая того, что он давно мыслит клипами, емкими информационными множествами, мгновенно появляющимися и исчезающими на экране монитора. И удивляемся при этом, что дети нас не понимают...

В этой связи задача научно-методического журнала, стремящегося быть современным, во многом сводится к реагированию на вновь возникающие культурные феномены и формы культурной организации. Речь идет не только о содержании публикуемых материалов, но и об их соответствующей аранжировке. В данном направлении «Пачатковая школа» уже сделала довольно серьезные шаги. Значительная часть ее материалов обсуждает проблемы компьютеризации школы, право голоса все чаще получают специалисты по обучающим программам и информационным технологиям. И это своевременно. В школу сегодня приходят малолетние «хаекеры», владеющие «мышкой» значительно лучше любого взрослого, способные оперативно находить не только компьютерные игры и соответствующие программы, но и любые другие интересующие их данные. Этот новый фундаментальный факт образовательной жизни требует радикального изменения учительской компетентности. И «Пачатковая школа» приняла информационный вызов. Многие ее страницы выполнены в иконическом стиле, представляют собой сочетания ярких изображений, сопровождаемых титрами и короткими пояснениями. И это замечательно, поскольку такое представление материалов помогает учителю в освоении языка современной детской культуры.

В то же время, как нам представляется, в развитии журнала есть еще и неосвоенные ресурсы. Они связаны с еще одним культурным обстоятельством, на которое невольно уже указывалось выше. Сделаем на этом вскользь упомянутом феномене необходимый акцент.

Сегодня культурологи все чаще говорят о такой культурной интернациональной тенденции, как резко возросшая роль коммуникации и человеческого взаимодействия в целом. Коммуникация при этом понимается не столько как обмен информацией, сколько как механизм культурного и социального развития. «Вступая в коммуникацию, люди производят и себя, и мир», — так может звучать ключевой смыслообразующий тезис, иллюстрирующий это понимание. При этом решающее значение придается способам использования языка в процессах взаимодействия, и именно контекст взаимодействия становится решающим в смысле организации и функционирования знания. Последнее теряет качество внеситуативности, всеобщности, обнаруживая в своем содержании не столько предметные значения, сколько социальные отношения. И если раньше знак выполнял вторичную (репрезентативную) функцию, замещая предметный мир в языковых и коммуникативных процессах, то теперь отношение переворачивается. Знак приобретает новое качество генеративности: не только отражает, но и активно создает и переформирует культурный ландшафт, реальность человеческого миропонимания.

Для педагогической практики из этого утверждения следует один достаточно радикальный методический вывод. Если раньше педагогические эффекты соотносились с включенностью учащихся в разнообразные виды деятельности (*хочешь получить способность — задай соответствующую деятельность*), то теперь педагогический императив может быть сформулирован следующим образом: *хочешь получить способность — организуй коммуникацию*.

Здесь необходимо сделать еще один акцент, касающийся обсуждения перспектив практики начальной шко-

лы. Ориентация образования на деятельность в свое время определила и особую формулу смысла начальной подготовки, суть которой состояла в том, чтобы научить ребенка учиться. При этом предполагалось, что в ходе усвоения учащимся структуры учебной деятельности у него сформируется механизм саморазвития и культурной ориентировки — рефлексия, которая позволит ему при необходимости создавать те виды и способы поведения, которые соответствуют новым жизненным ситуациям.

Остается ли эта задача актуальной сегодня для практики начальной школы Беларуси? Если «да», то что меняется в процедурах и результатах обучения в связи с «коммуникативным поворотом»? Является ли интеллектуальная рефлексия тем необходимым психическим новообразованием, которое обеспечит выпускнику начальной школы возможность адекватной ориентации в изменяющемся культурном мире, или речь должна идти о каких-то иных, ранее не задействованных человеческих качествах?

Эти и многие другие вопросы принципиального статуса могут стать темами дискуссий и выступлений на страницах «Пачатковой школы». Это, разумеется, предполагает расширение диапазона адресатов журнала, освоение специфических приемов подключения к фундаментальной дискуссии ученых разных профилей, методистов, педагогов-практиков. Но не меньшее значение наряду со «стратегическими» проблемами имеют и «тактические» задачи. Установление того, например, в каких коммуникациях и как участвует интересующий учителя ребенок, предполагает наличие разработанного аппарата оперативной психолого-педагогической диагностики. Насколько нам известно, такой инструментарий пока не создан. Подчеркнем еще раз: необходимы не средства изучения состояния психических процессов в сознании ребенка, не приемы идентификации его личностных или поведенческих проявлений, а те формы коммуникации, способы высказывания и реагирования, среда участия в целом, которые создают типовые или уникальные «внутренние» обстоятельства. То, каким быть такому инструментарию, должны определять сегодня не только ученые, а прежде всего практикующие учителя.

Для педагогической политики редколлегии коммуникативная ангажированность, принятие «вызова коммуникации» означает резкое повышение «градуса» дискуссии на страницах «Пачатковой школы». Язык, как заметил в свое время один из создателей теории коммуникации Юрген Хабермас, может использоваться *коммуникативно* и *некоммуникативно*. Описание педагогической идеологии, вещей, событий, состояний и прочего — примеры некоммуникативного использования языка. Коммуникативное же его употребление соотносится со взаимопониманием, диалогом, перформативным (производящим реальность) статусом высказывания в целом. Коммуникативное использование языка есть его применение в целях достижения нового качества взаимопонимания участников диалога. Сообщение как таковое перестает быть главной функцией высказывания.

Принцип Хабермаса, как нам представляется, может быть распространен не только на политику научно-методического журнала, но и на многие современные педагогические отношения и практики. Важно вовремя сделать шаг в нужном направлении. В особенности это касается нашей общей родины — начальной школы.